

Н. И. Наумов

Юровая

Русские повести XIX века 70-90-х годов. Том первый

М., ГИХЛ, 1957

[OCR Бычков М. Н.](#)

В декабрьский вечер в чисто прибранной крестьянской избе сидело трое собеседников. Двое из них, люди довольно пожилые, имели степенный, солидный вид; дышащая молодостью наружность третьего отличалась, напротив, неутомимую подвижностью, разлитой не только в лице его, но и во всей фигуре. Особенно не знали покоя руки, то свивавшие на палец концы пояса, надетого сверх рубахи-косоворотки, или крутившие в жгут полы ее, выпущенные поверх тиковых шароваров.

На столе перед ними, среди чайной посуды и тарелок с пшеничными калачами, оладьями и блинами, ворчал, пуская густые клубы пара, объемистый самовар, называемый в простонародье "купеческим", а вставленные в деревянные подсвечники сальные свечи, ярко освещая лица присутствующих, бросали на выбеленные стены массивные тени от сидящих и от самовара с стоявшим на конфорке его чайником.

-- Ты, Семка, был у Ивана-то Николаича? -- обратился один из пожилых собеседников к молодому парню, перетирая полотенцем выполосканные стаканы и блюда.

-- Был! -- порывисто ответил Семка, точно безотлагательно спешил куда-то, но его задерживали этим вопросом.

-- Чего ж он поговорил с тобой, а?

-- Говорит, что ноне они сами набрались ума, -- ответил он.

-- Откедова ж это?

-- Не сказывал!

-- А тебе бы и спросить: давно ль, мол, это мужики с умом справляться стали; допрежь, мол, такого и слуху не было?

-- Обчеством, говорит, положили!

-- Умом-то жить? -- прервал он.

-- Ну, нас, говорит, ноне на кривой кобыле не объедешь, сами трахт знаем!

-- А-а... Ну, сивого жеребца припасем; энтет порысистей будет! -- с иронией заметил первый.

-- Петр Матвеич, ты слушай-ко, чего он показал-то мне? -- прервал его Семка, быстро повертывая стоявший около него подсвечник, не замечая, что горячее сало каплет на скатерть.

-- Как мужиков-то объезжать?

-- Прут!

-- Пру-у-ут? -- удивленно протянул в свою очередь Петр Матвеич. -- О-о! Мирон Игаатьич, слышь, мужики-то? -- произнес он после короткой паузы, слегка толкнув облокотившегося на стол и дремавшего под воркотню самовара Мирона Игнатьича.

-- Взял прут, -- продолжал между тем Семка, -- и кажет мне: вишь, говорит, один-то его я и пальцем сломаю, а коли, говорит, метлу возьму, то и топором не сразу разрубишь! Так и вы, говорит, порозь-то каждого из нас объедете, как кому требуется, а коли мы, говорит, таперя купно, обчеством, так попоте-е-ешь уломать-то нас! А ноне мы, говорит, цену-то на рыбу будем класть, мы будем господа-то, а не вы! Тряхнул энтю шапкой, да и говорить боле не стал!

-- Вон оно, времена-то, а?... и мужики заговорили! -- насмешливо сказал Петр Матвеич, внимательно выслушав рассказ его. -- Ну да поглядим, как оно по притче-то выйдет, кто кого объедет, -- говорил он, снимая с конфорника чайник и разливая в стаканы настоявшийся наподобие пива чай. -- Поглядим, -- повторил он, -- надолго ль хватит мужичьего-то ума; у мужика-то передний ум до первого горя, а прихватит оно -- и пойдет охать, да ахать, да затылок чесать... успе-е-ем!

-- Напустить бы наперво на них мелочь-то! -- замолвил Мирон Игнатьевич, дробя пальцами сахар на мелкие куски.

-- Зачем?

-- Спесь-то сбивать!